

СООТНОШЕНИЕ ПРОВОКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

Дается уголовно-правовая оценка провокации преступления в соотнесении с институтом соучастия. Анализ проводится на основе объективных и субъективных признаков соучастия. Внешние сходства «провокации» и «соучастия» не приводят автора к выводу об их содержательном единстве. Говорится о более широком круге провокационных действий по сравнению с соучастником преступления, что требует самостоятельной оценки действий провокатора без ссылок на ст. 33 Уголовного Кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: провокация преступления; юридическая природа провокации преступления; соучастие; особенности провокации преступления; роль провокатора.

В науке продолжает обсуждаться вопрос о совершенствовании института провокации преступления в уголовном праве, одним из аспектов которого является определение юридической природы провокации преступления и ее места в системе норм уголовного закона. Проблемность вопроса обнаруживается в связи с отсутствием общей дефиниции провокации преступления¹, что порождает поливариантность мнений. В настоящей статье предлагается рассмотреть сущность провокации преступления в соотнесении с институтом соучастия, определившись с тем, является ли провокация преступления одним из проявлений совместной преступной деятельности или же имеет отличительные особенности, которые позволили бы нам провести границу двух названных явлений и говорить об их самостоятельном уголовно-правовом значении.

В науке уголовного права нет единого мнения об оценке действий провокатора, и нередко мы встречаем отнесение провокационной деятельности к соучастию. Провокатора называют подстрекателем, пособником, организатором.

Например, в одном из комментариев к Уголовному кодексу Российской Федерации [1] (далее УК РФ) отмечается: «Мотивы поведения подстрекателя для привлечения его к ответственности значения не имеют. Поэтому он отвечает и при провокации преступления, т.е. когда подстрекает лицо не с целью совершения им преступления, а для привлечения этого лица к ответственности» [2. С. 1069].

В. Иванов также считает деятельность провокатора соучастием в преступлении, относя провокатора к подстрекателю или организатору. «Следует признать, что деятельность провокатора может иметь не только подстрекательский, но и даже организаторский характер» [3. С. 17].

На сегодняшний день нет общепринятой дефиниции провокации преступления. Можно сказать, что провокация преступления – это умышленное одностороннее деяние лица, совершаемое с целью вовлечения провоцируемого лица в преступную деятельность и последующего его разоблачения в содеянном.

Понятие соучастия в преступлении получило закрепление на законодательном уровне. Согласно ст. 32 УК РФ под соучастием понимается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. Среди признаков

соучастия, как правило, выделяют следующие: совершение преступления двумя и более лицами, отвечающими признакам субъекта преступления; совместность; общий преступный результат; осведомленность соучастников о наличии друг друга, наличие двусторонней субъективной связи; общность умысла. Закон перечисляет различные виды соучастников: исполнитель, организатор, подстрекатель и пособник.

Деятельность провокатора имеет схожие черты с большинством вышеназванных видов соучастников, что и порождает дискуссионность вопроса о соотношении провокации в преступлении и соучастия в преступлении.

Внешне спровоцированное преступление будет совершено совместно двумя лицами. Достижение преступного результата наступает по причине действий как спровоцированного лица, подавшегося на стороннее влияние, так и провокатора, который инициировал начало преступной деятельности и всячески способствовал совершению преступления. Такое участие двух лиц в совершении преступления при определенных позициях, что имеют место в научных кругах, может быть оценено не как самостоятельная преступная деятельность каждого из двух лиц, а как совместное участие в совершении одного преступления.

Однако, на наш взгляд, такой вывод допустим не иначе, как путем обоснования общей природы соучастия и провокации, рассмотрения признаков этих двух явлений с выводом о содержательном единстве таких признаков. Только в этом случае мы можем говорить о провокации как разновидности совместной преступной деятельности и определить роль провокатора как одного из соучастников, известных уголовному закону: исполнителя, организатора, подстрекателя, пособника.

Итак, первый признак преступления, совершенного в соучастии, – это совместность участия, что означает участие двух и более лиц в совершении преступления при обязательной совместности их усилий².

Применительно к преступлению, совершенному в результате провокации, данный признак может вполне определенно быть установленным. Спровоцированные преступления совершаются совместными действиями двух или более лиц. Преступный результат наступает ввиду их совместных усилий; и провокатор, и спровоцированное лицо совершают действия, которые находятся в причинной связи с преступным

результатом. Обобщенно ситуацию можно обрисовать следующим образом: лицо в силу своих личных причин и целей оказывало влияние на другое лицо. Путем создания благоприятной обстановки, предоставления информации провокатору удалось склонить спровоцированного к совершению преступления. В результате мы увидим, что причиной преступления явились не только действия спровоцированного лица, но и провокатор сыграл порой даже более активную роль в наступлении преступных последствий.

Примером может служить реальная в нашей жизни провокация мошенничества в сфере компьютерной информации. Провокатор, желая подставить своего знакомого, предлагает ему установить на банковские терминалы специальные считывающие устройства. Говорится, что схема уже проработана, шансов попасться ноль, есть надежный поставщик скиммеров, установить их несложно, вся информация с банковских карт будет доступна, что позволит распоряжаться денежными средствами с чужих банковских карт в полном объеме денежных средств, хранящихся на этих картах. Провокатор сообщает всю информацию, сам не принимая участия в фактическом исполнении, тем временем проводя подготовку, слежку за спровоцированным лицом, и собирая всю информацию против него для передачи правоохранительным органам, с целью дальнейшего уголовного преследования спровоцированного лица. После того как считывающие устройства установлены, происходит взлом информации и появляется фактическая возможность изъятия чужого имущества в свою пользу, все материалы передаются провокатором в следственные органы. В данном случае мы видим формальное участие двух лиц в совершении мошенничества.

Рассматривая провокацию в соотношении с первым названным признаком соучастия мы видим сходство двух явлений. В зависимости от фактически совершаемых провокатором действий мы можем его назвать организатором, пособником, подстрекателем или, в самом общем виде, соучастником в совершении преступления.

Однако, во-первых, мы должны установить соответствие провокации и соучастия по всем признакам, наличие одного лишь количественного признака не говорит о соучастии.

Во-вторых, в случае отнесения приведенного нами примера к соучастию деятельность провоцирующего лица с учетом уголовно-правового регулирования института соучастия в конечном итоге по внешним признакам может быть оценена как своевременное сообщение органам власти или иные предпринятые меры для предотвращения доведения преступления исполнителем до конца. Схема действий провокатора следующая:

- лицо сообщает правоохранительным органам о готовящемся преступлении, не отрицает, что также имеет причастность, но сейчас осознает, что причинит вред гражданам, деньги которых предполагалось похитить;

- сообщаются детали готовящегося преступления: где, когда, кто придет и установит скиммеры на банкоматы;

- доведение преступления до конца будет предотвращено, так как спровоцированное лицо будет взято на месте преступления.

Такие действия могут быть расценены по правилам добровольного отказа от преступления, что не влечет уголовной ответственности соучастника. Такие оценки вызывают у нас чувство несправедливости. Поэтому, на наш взгляд, даже в случае наличия количественного признака соучастия необходимо более основательно рассматривать деятельность каждого из участников готовящегося или совершенного преступления, не ограничиваться формальным чтением закона и посмотреть на деятельность провокатора как на особую преступную роль, имеющую свои внутренние мотивации, цели. Судебная и следственная практика показывает, что такая особая роль трудно установима, но мы не можем исключать ее теоретическое осмысление, что явилось бы предпосылкой для формулирования более практически применимых положений закона о провокации преступления, чем существующая ст. 304 УК РФ. Правильная оценка содеянного является важным условием реализации принципа индивидуализации ответственности и наказания.

Из определения соучастия, приведенного в ст. 32 УК РФ, следуют и субъективные признаки соучастия: умышленность совместного участия и совершение умышленного преступления.

Не вызывает сомнений умышленная направленность действия провокатора и провоцируемого лица.

Провокатор явно осознает общественную опасность своих действий, предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желает их наступления. Таким образом, с субъективной стороны действия провокатора совершаются с прямым умыслом. Здесь можно согласиться с С.Н. Радачинским, что одной из характеристик провокации является «наличие у провокатора только прямого умысла, причем этот умысел должен быть направлен не на вид и последствия совершенного вовлеченным преступления, а на сам факт его совершения» [5. С. 59–63].

В деятельности подстрекателя, в отличие от провокационной, имеет место направленность стараний подстрекателя на совершение лицом определенного, а не вообще преступления. Усилия же провокатора направлены на совершение лицом неопределенного преступления. Конечно, желая успешности своего агентурного плана, провокатор продумывает ход событий и то, каким образом он будет совершать провокацию, к чему склонять и что должно получиться в итоге. Тем не менее, думается, что если подстрекатель предлагал бы определенному лицу совершить мошенничество, а в ответ получил бы предложение совершить другое преступление, например нанести тяжкие телесные повреждения обидчику этого лица, то подстрекатель, не имея интереса, отказался бы, так как подстрекателю значим только определённый результат, у него имеется определённая преступная идея, на реализацию которой он и подговаривает склоняемое лицо. Провокатор же в такой ситуации, скорее всего, поддержал бы смену настроения провоцируемого им

лица, взяв время на более детальное обдумывание плана преступления и своих действий по последующему изобличению лица.

Иными словами, и у подстрекателя, и у провокатора имеется умышленная форма вины, однако предметное содержание умысла у них разное.

Еще одной отличительной особенностью психического отношения провокатора к совершаемому деянию является первостепенная значимость для него не факта совершения спровоцированным лицом преступления, а возможность последующего раскрытия этого преступления правоохранными органами и реальная возможность привлечения спровоцированного лица к уголовной ответственности. А.А. Пионтковский писал, что провокатор «руководствуется не стремлением в своей деятельности причинить вред объекту, на который направлено действие исполнителя, а стремлением изобличить преступника и передать его в руки государственной власти» [6. С. 573], тем самым проводя отличие от подстрекательства.

Конечной целью провокатора является извлечение личной выгоды, т.е. провокатор желает не столько наступления определенных преступных последствий, на которые он провоцирует, сколько того, чтобы противоправное поведение спровоцированного сыграло провокатору «на руку». Совершенное спровоцированным преступление является для провокатора средством достижения его действительных целей – наступления для спровоцированного неблагоприятных последствий в виде уголовного преследования и осуждения.

Выгодность преступной ошибки спровоцированного может быть необходима провокатору из личной неприязни к человеку, когда, например, провокатор таким способом желает отомстить своему обидчику, или в целях дальнейшего шантажа для достижения реализации любых других своих намерений под предлогом неразглашения того, что провокатору теперь известно, либо как средство в своем стремлении карьеры, повышений, попустительства. Не исключена и цель обогащения, когда провокатор за уничтожение имеющихся у него улик и доказательств совершенно спровоцированным лицом преступления требует от последнего денежного вознаграждения.

Спровоцированное лицо также действует умышленно. Его деяние может совершаться и с косвенным умыслом. Однако он не подозревает о совершенной в отношении него провокации и не мыслит о совершении совместного с провокатором преступления.

Умысел провокатора и спровоцированного отличаются от умышленной деятельности соучастников, которые желают наступления единого преступного результата.

Таким образом, провокатор не имеет умысла на совершение провоцируемого преступления, он не желает его совершить. Провокатор считает себя безучастным. Ему свойственно безразличное отношение к совершению определенного преступления провоцируемым лицом. В противном случае, если провокатор желает, чтобы было совершено именно определенное преступление, так как в наступлении преступного

результата кроются и интересы провокатора (корыстные, мести), то в таком случае мы могли бы говорить о соучастии. В последнем случае желание провокатора преступных последствий довлеет над умыслом коварного плана, который в таком случае не должен получать юридической оценки провокации преступления, а как запасной выход в стремлении соучастника избежать уголовной ответственности и показать себя в выгодном свете перед сотрудниками правоохранительных органов.

Безусловно, преследование соучастниками различных целей при совершении преступления может и не исключать соучастия. Например, когда, совершая заказное убийство, один участник (заказчик) желает получить наследство, а второй (киллер) – гонорар. Однако в случае с провокацией речь идет о принципиально разном отношении участников к совершаемому преступлению. Если в соучастии подстрекатель, пособник или организатор действуют с исполнителем заодно, сообщая, то провокатор стремится не иметь прикосновенности к действиям спровоцированного, добиваясь непричастности и позиционируя себя не как преступник (соучастник), а наоборот, как разоблачитель преступников. Провокатор действует тайно не только в отношении всех других лиц, но и самого провоцируемого лица. Если соучастники действуют совместно, желают совершить преступление вместе, то действия провокатора представляют собой скрытую одностороннюю деятельность, направленную не на совершение совместного преступления, а на наступление для спровоцированного лица неблагоприятных последствий.

Отметим также, что подстрекательство предполагает использование явного способа воздействия на волю и сознание склоняемого лица. Так, в ч. 3 ст. 33 УК РФ отмечается, что подстрекателем признается лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом. При совершении провокации действия провокатора носят скрытый характер. Провокатор предпринимает все усилия для того, чтобы провоцируемое лицо не догадалось о совершаемой в отношении него провокации, а значит, и вообще о том, что совершается какое-либо преступление. Провокатор действует тайно, поэтому его попытки склонить к преступлению, как правило, не осознаваемы другим лицом и могут быть не заметны даже внешне ввиду воздействия провокатора не на склоняемое лицо, а на окружающую обстановку.

Еще одно отличие провокации от соучастия – это спорная возможность установления при провокации преступления признака осведомленности всех участвующих лиц о совместном совершении преступления. Деятельность провокатора, по сути, – предательство, что не предполагает открытости провокационных попыток склонить другое лицо к совершению преступления. Наоборот, как любой агент-предатель, провокатор стремится реализовать свою ловушку, как уже говорилось, без осведомленности провоцируемого лица о том, что будет совершено преступление. Даже если провокатор и провоцируемый хорошо знакомы,

то доверительные отношения используются не для сговора, а для облегчения провокации: назначение встречи, использование знания обстановки рабочего кабинета провоцируемого лица, времени присутствия и отсутствия дома либо на работе.

Резюмируя наши соображения о провокации, соучастии, их сходствах и отличиях, можно сказать о главенстве различия в субъективной составляющей этих двух явлений. При провокации преступления отсутствует внутренняя согласованность действий провокатора и провоцируемого, поэтому мы не можем их назвать соучастниками преступления, которое совершается в результате провокации, а значит, деяние каждого из них образует самостоятельный состав преступления.

Представляется, что роль провокатора отличается от роли каждого из соучастников более широким кругом совершаемых действий. Роль провокатора значительнее, чем роль одного лишь, например, подстрекателя. Провокатор является и подстрекателем, и пособником, и организатором. Вся его провокационная деятельность направлена на то, чтобы и склонить, и

посодействовать, и организовать, т.е. на то, чтобы было за что наказать спровоцированное лицо, а для этого необходимо событие преступления.

Мы считаем, что провокатор не является соучастником преступления, совершенного в результате его же провокации, что, тем не менее, не исключает общественной опасности его деяния, требующей уголовно-правовой оценки, но отличной от юридической оценки соучастия.

Так как следствием провокации является не только совершение преступления спровоцированным, но и привлечение его к уголовной ответственности (цель провокации – ее конструктивный признак), мы можем говорить о повышенной общественной опасности роли провокатора по сравнению с соучастниками. Учитывая это, а также практическую неприменимость действующей ст. 304 УК РФ, законодатель мог бы переосмыслить свой подход к регулированию явления провокации преступления, предусмотрев провокацию преступления в качестве самостоятельного состава преступления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Уголовный закон описывает провокацию только двух преступлений: взятки либо коммерческого подкупа.

² В юридической литературе есть мнение о самостоятельном значении признаков «совершение преступления двумя или более лицами» и «совместность участия», что поддерживается не всеми представителями научного сообщества. Например, позиции о необходимости рассмотрения названных признаков как одного придерживается Г.П. Новоселов [4. С. 103–109].

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 21.07.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2014) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Г.Н. Борзенков [и др.]; под ред. В.М. Лебедева. М.: Юрайт, 2013.
3. Иванов В. Провокация или правомерная деятельность? // Уголовное право. 2001. № 3.
4. Новоселов Г.П. Понятие соучастия и признак совместности участия // Российский юридический журнал. 2012. № 6.
5. Радачинский С.Н. Юридическая природа провокации преступления // Уголовное право. 2008. № 1.
6. Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961.

Статья представлена научной редакцией «Право» 22 июля 2015 г.

CORRELATION OF A CRIME PROVOCATION AND COMPLICITY IN A CRIME

Tomsk State University Journal, 2015, 398, 153–157. DOI: 10.17223/15617793/398/25

Dudarenko Veronika V. Ural State Law University (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: veronika.andronova@gmail.com

Keywords: crime provocation; legal nature of crime provocation; complicity in a crime; distinctions of crime provocation; role of provoker.

Crime can be committed as a result of provocation. The provoker makes a significant contribution to the intention formation of the person and the establishment of the crime fact; therefore, the provoker is often called either an instigator, or an accomplice, or an organizer. In the article the assessment of crime provocation in correlation with the institute of complicity in a crime from the position of criminal law is given. The issue of feigned accomplice (the provoker qualifies as a variety of complicity in a crime), disputable in science, is analyzed on the basis of objective and subjective elements of complicity in a crime. Existence of a quantitative element (participation of two persons) is formal. The provoker has a specific mental attitude to the committed act. The intent of the provoker is a desire to make the provoked person commit a crime, expose this person to prosecution, while the intent of the accomplice is to implement a concrete plan, a specific crime in the absence of an intent to cooperate with law enforcement authorities. Despite an intentional fault, both in crime provocation and in complicity in a crime, in the first case the intent does not cover joint participation in the commission of a crime. In this regard, there is a conclusion about provocation as person's unilateral activity. There is also no awareness of participants on joint crime commission. The provoked person does not think about committing crimes jointly with the provoker. The provoker's actions with their hidden character are traitorous at their core. Analysis of the ways the provoker influences the provoked person shows them as distinctive features of crime provocation. Consequently, the found external similarities of crime provocation and complicity in a crime do not lead the author to a conclusion about the unity of the content of the discussed concepts. The main difference lies in the subjective component of the phenomena under consideration. The provoker's actions are not determined by the institute of complicity in criminal law. The article describes a broader range of actions made by the provoker unlike the accomplice in a crime, which requires an independent evaluation of actions of the provoker without references to Article 33 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author concludes there is increased danger to society from the provoker, compared

with the accomplice, due to the targeted nature of provocation. A need to reform the institute of crime provocation in the Russian criminal law and to include an independent element of crime provocation.

REFERENCES

1. Russian Federation. (1996) The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996, no. 63-FZ (ed. of 21.07.2014) (rev. and ext., in force since 04.08.2014). *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 25. Art. 2954. (In Russian).
2. Lebedev, V.M. (ed.) (2013) *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateynyy)* [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (itemized)]. Moscow: Yurayt.
3. Ivanov, V. (2001) Provokatsiya ili pravomernaya deyatelnost'? [Provocation or lawful activity?]. *Ugolovnoe pravo*. 3.
4. Novoselov, G.P. (2012) Concept of complicity and sign of joint participation. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Russian Juridical Journal*. 6. (In Russian).
5. Radachinskiy, S.N. (2008) Yuridicheskaya priroda provokatsii prestupleniya [The legal nature of crime provocation]. *Ugolovnoe pravo*. 1.
6. Piontkovskiy, A.A. (1961) *Uchenie o prestuplenii po sovetskomu ugolovnomu pravu* [The doctrine of the crime in the Soviet criminal law]. Moscow: Gosyurizdat.

Received: 22 July 2015